

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-67-80>

УДК 008

ББК 71

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. А. Ф. Поломошнов

п. Персиановский, Ростовская обл., Россия

© 2022 г. Л. А. Поломошнов

п. Персиановский, Ростовская обл., Россия

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ИНОКУЛЬТУРНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЗЕРКАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Аннотация: Либеральные российские реформы на рубеже тысячелетий актуализируют в национальном дискурсе проблему инокультурных заимствований. В статье на примерах концепций П. Я. Чаадаева, Ф. М. Достоевского и Н. А. Бердяева анализируется связь между инокультурными заимствованиями и чертами национального характера, которые определяют отношение к другим культурам и отношение к качественным трансформациям общества. Во всех этих концепциях отражается противоречивость соответствующих черт национального характера. Позиция П. Я. Чаадаева противоречива. Если в «Философических письмах» он одновременно отмечает отсутствие новаторства и отсутствие почвенности у русского народа, то в «Апологии сумасшедшего» Чаадаев приписывает русскому народу, напротив, парадоксальное единство национального консерватизма и способности к новаторству. Ф. М. Достоевский усматривает в основе национального характера синтез национальной почвенности и всемирной отзывчивости. Н. А. Бердяев формулирует две антиномии русской души: 1) антиномию универсализма и национализма и 2) антиномию «безграничной свободы духа» и «неслыханного сервиллизма», не находя убедительного разрешения этих антиномий. Авторы приходят к выводу, что в результате взаимодействия инокультурных инноваций и связанных с их восприятием черт русского национального характера в нем актуализируются те или иные модусы антиномий, выявленных отечественными мыслителями. В результате в национальном характере формируется их определенный баланс, обеспечивающий специфическую историческую преемственность и устойчивость его архетипических структур.

Ключевые слова: национальный характер, Достоевский, Чаадаев, Бердяев, национальная идентичность, инокультурные заимствования.

Информация об авторах:

Андрей Федорович Поломошнов — доктор философских наук, профессор кафедры экономики, философии и социальных дисциплин, Донской государственной аграрный университет, ул. Кривошлыкова, д. 24, 346493 пос. Персиановский, Октябрьский р-н, Ростовская обл., Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6312-9440>

E-mail: paf1@mail.ru

Лев Андреевич Поломошнов — соискатель кафедры истории зарубежной и отечественной философии, Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета, Днепроvский пер., д. 116, 344065 г. Ростов-на-Дону, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2107-9574>

E-mail: lgvel@mail.ru

Дата отправки статьи: 05.03.2021

Дата одобрения рецензентами: 06.07.2021

Дата публикации: 28.12.2022

Для цитирования: Поломошнов А. Ф., Поломошнов Л. А. Национальный характер и инокультурные заимствования в зеркале отечественной мысли // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 67–80.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-67-80>

Введение

В истории России, начиная с Киевской Руси, большую роль играют инокультурные заимствования: призвание варягов, принятие христианства, реформы Петра I, социалистические преобразования, вдохновленные марксизмом, наконец, современные либеральные реформы. Каждое из этих заимствований существенно влияло на становление и развитие национальной социокультурной самобытности российской цивилизации и вызывало противоречивые оценки в национальном самосознании. Либеральные реформы на рубеже тысячелетий привели к существенным трансформациям и российского общества, и культурно-психологической самобытности населения. Неоднозначные итоги этих реформ проблематизируют путь России в будущее и актуализируют проблему: почему мы постоянно, но не очень успешно, пытаемся заимствовать социокультурные формы и институты на Западе и пренебрежительно относимся к собственному опыту и традициям?

Проблема данной статьи может быть сформулирована следующим образом: каким образом связаны динамика национального характера и радикальные социокультурные трансформации российского общества в свете инокультурных заимствований?

Теоретическая основа исследования

В современном дискурсе сложились два основных подхода к понятию национального характера: социально-психологический и культурологический. Социально-психологический подход рассматривает национальный характер как феномен психологии больших групп — социальных и этнических.

При исследовании национального характера в рамках социально-психологического подхода возникает проблема интерпретации его статуса как собирательного или разделительного понятия. Н. О. Лосский по поводу этой проблемы писал: «Не следует думать, что общие свойства, которые удастся найти, принадлежат каждому русскому человеку» [12, с. 7]. Если интерпретировать национальный характер как собирательное понятие, выражающее обобщенные признаки всего народа, который состоит из различных социальных слоев и групп, то, естественно, нельзя приписывать эти признаки каждому отдельному члену этого сообщества. Интерпретация же национального характера как разделительного понятия создает неразрешимые проблемы, поскольку требует

приписывания определенного комплекса черт всем представителям народа и каждому из них в отдельности.

Культурологический подход связывает национальный характер с культурной самобытностью народа и рассматривает его как одну из форм проявления национальной культурной идентичности в психическом складе народа. В рамках культурологического подхода «национальный характер можно понять лишь в соотношении с общей системой ценностей, зависящей от социально-экономических и географических условий, от общей культуры нации, образа жизни ее народа» [14, с. 19].

При этом необходимо проводить различие между представлением о национальном культурно-психологическом складе в национальном самосознании на уровне общественной идеологии или общественной психологии и реальными культурно-психологическими особенностями народа.

Соединяя социально-психологический и культурологический подходы к национальному характеру, можно рассматривать его как культурно-психологическую самобытность или идентичность народа, с одной стороны, определяемая самобытностью его культуры и истории, с другой стороны, являющаяся элементом и фактором этой самобытности. И. В. Храмов рассматривает национальный характер как «специфическое социальное образование, представляющее собой совокупность идей, интересов и ценностей, чувств и настроений, отражающих место нации как субъекта истории» [18, с. 9].

При постижении русского национального характера нужно исходить из его отмечаемой всеми отечественными и зарубежными исследователями противоречивости, формирующейся, проявляющейся и развивающейся в контексте истории русского народа, в которой ключевую роль играют эпохи радикальных социокультурных трансформаций российского общества.

Рассматривая тему национального характера в контексте отечественной истории, невозможно обойти вниманием проблему его динамики. В этой проблеме есть две стороны. Первая сторона — определение степени и характера, и конкретного баланса его пластичности, изменчивости и устойчивости, постоянства под влиянием инокультурных заимствований и резких социокультурных трансформаций. Меняют ли эти трансформации национальный характер, и насколько существенно, или же он к ним приспособляется и по-своему перерабатывает, сохраняя свои существенные черты?

Вторая сторона проблемы связана с выяснением качеств национального характера, определяющих отношение русского народа к реформам и инокультурным заимствованиям. Легок ли русский народ на подъем, перемены и перенятие чужих культурных форм, или, напротив, консервативен и закрыт?

В этой связи можно выделить три группы качеств русского национального характера: 1) качества, определяющие отношение к другим, иным культурам и народам, 2) качества, определяющие общее отношение русского народа к каким-либо серьезным социокультурным переменам и трансформациям, 3) качества, определяющие отношение русского народа к собственным цивилизационным и историческим корням, традициям и устоям.

Обе стороны проблемы баланса стабильности и изменчивости национального характера связаны друг с другом. Эту связь можно интерпретировать как прямую детерминацию. Если русский народ легок на перемены и заимствования, то и его национальный характер, очевидно, пластичен. Если же русский народ закрыт и консервативен, то и его национальный характер устойчив и мало изменчив.

Однако эта связь далеко не прямая и очевидная. Возможны различные модели баланса открытости и закрытости, стабильности и изменчивости национального характера. В связи с очередным современным историческим циклом радикальных реформ и инокультурных заимствований в России, отечественная мысль в новых условиях решает проблему баланса стабильности и изменчивости русского национального характера. С. А. Магарил формулирует проблему в предельно острой форме: «Сохранил ли народ России к началу XXI в. базовые черты национального характера?... Или, вследствие утраты национальной идентичности, как опасались Н. Данилевский и Ф. Достоевский, для русского народа оказалась реальна угроза “распуститься в этнографический материал” и, ввиду утраты политической воли, постепенно сойти с исторической сцены?» [13, с. 35]

В современном отечественном дискурсе по проблеме баланса стабильности и изменчивости национального характера в контексте отечественной истории доминирует подход, который подчеркивает устойчивость национального характера и стремится эксплицировать некий инвариантный, архетипический комплекс черт, не подверженный существенным историческим трансформациям. В рамках этого подхода сложились две позиции. Первую позицию можно определить как умеренный исторический оптимизм, подчеркивающий неизменность базовых черт национального характера, несмотря на все исторические метаморфозы российского общества. Примером такого оптимизма является позиция В. Аксючица: «Вопреки невиданным историческим испытаниям русский национальный характер в основах своих неистребим, до тех пор, пока жив народ» [1]. Этой же позиции придерживается и М. К. Горшков, который отмечает: «На протяжении столетий формировались основы нашей нравственности: общинность, соборность, коллективизм, приоритет духовного над материальным, доброта и скромность в отношениях с людьми и т. д. Сегодня наше настоящее и будущее зависит от того, останется ли Россия самой собой и сохранит ли эти ценности» [6, с. 11]. Выделение инвариантных, неизменных традиционных качеств российской цивилизационной идентичности как основы устойчивости национального характера является наиболее распространенным, почти типовым методологическим подходом в современной отечественной мысли. В. Ф. Шаповалов концентрирует внимание на устойчивых инвариантах российской цивилизационной идентичности, в том числе и в сфере национального психологического склада. «Инварианты характера цивилизации наиболее отчетливо выражаются в присущих ему образах и моделях. Именно на пути выявления и описания данных образов и моделей <...>, а не на пути теоретически невозможного раскрытия всего многообразия индивидуальных характеров людей и бесконечного многообразия мира человеческой психики возможно изучение характера цивилизации» [21, с. 45].

И. В. Кондаков рассматривает национальный менталитет как сложную и устойчивую надындивидуальную культурную структуру, обладающую исторической стабильностью: «Как правило, черты, определяющие ментальность той или иной цивилизации, в отличие от идеологических, социально-политических, религиозно-конфессиональных и иных культуротворческих факторов, отличаются большой стабильностью и не изменяются столетиями, а, появившись однажды в цивилизационной парадигме, уже больше не покидают ее» [11, с. 23].

Вторая позиция по проблеме баланса стабильности и изменчивости национального характера может быть определена как **культурно-исторический алармизм**, акцентирующий на угрозе деструкции русской культурно-психологической идентичности и разрушения фундаментального культурно-психологического комплекса тради-

ционного национального характера. Эта позиция характерна для А. И. Солженицына, который с горечью констатирует: «Давние черты русского характера — какие добрые потеряны, а какие уязвимые развились — они и сделали нас беззащитными в испытаниях XX века... Может быть — это только нынешний распад? Или свойство, врезанное в нас советскими десятилетиями?» [16, с. 172–173].

Умеренный алармизм обосновывает также С. А. Магарил, ссылаясь на глубинный архетипический раскол российского общества, существующий на протяжении всей российской истории: «...авторитаризм, абсолютизм, этакратизм вверху и общинный коллективизм внизу» [13, с. 37].

Взвешенный и научно обоснованный алармизм характерен и для масштабного исследования научного коллектива под руководством С. С. Сулакшина, в котором на базе обширного статистического материала и экспертных оценок делается тревожный вывод: «Деградация человеческого капитала, проявляющаяся в эрозии идейно-духовного состояния общества, является объективной реальностью современной России» [15, с. 1808].

Особое место в современном дискурсе динамичности национального характера занимает позиция, предложенная С. Н. Амельченко, сводящаяся к тому, что в современных условиях происходит деструкция архетипической структуры национального характера: «Деструкция ментального кода российской постсоветской культуры устранила основу идентификации ее субъектов, введя ее в состояние кризиса и поставив под сомнение ее способность давать ответы на исторические вызовы будущего» [2, с. 179].

В контексте современного отечественного дискурса проблемы баланса стабильности и изменчивости национального характера представляет интерес анализ некоторых сложившихся в истории отечественной мысли концепций взаимосвязи динамики национального характера с его качествами, определяющими отношение русского народа к социокультурным трансформациям и инокультурным заимствованиям.

П. Я. Чаадаев: критика национального характера

Обращаясь к идеям П. Я. Чаадаева, необходимо учитывать, что свои взгляды, изложенные в «Философических письмах», мыслитель существенно пересматривает в «Апологии сумасшедшего». В «Философических письмах» главной чертой русского национального характера, по его мнению, является историческая беспочвенность, отсутствие каких-либо прочных цивилизационных устоев и традиций: «Ни у кого нет определенной сферы существования, ни для чего не выработано хороших привычек, ни для чего нет правил; нет даже домашнего очага... все протекает, все уходит, не оставляя следа ни вне, ни внутри нас» [20, с. 36].

Беспочвенность русского народа проявляется двояко. Во-первых, в отсутствии внутренней преемственности в интеллектуальном и духовном развитии народа. Во-вторых, в отсутствии способности воспринимать духовные уроки более развитых цивилизаций. «Эта дивная связь человеческих идей на протяжении веков, эта история человеческого духа, вознесшие его до той высоты, на которой он стоит теперь во всем остальном мире, — не оказали на нас никакого влияния» [20, с. 36].

Беспочвенность делает жизнь русского народа бессмысленным прозябанием вне исторического времени, вне внутреннего естественного прогресса. «У нас совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса... Мы растем, но не созреваем: движемся вперед, но по кривой линии, то есть такой, которая не ведет к цели» [20, с. 38].

Беспочвенность как национальная черта ведет, таким образом, к неспособности к прогрессу, к инновациям. Парадоксальным образом Чаадаев, характеризуя отношение русского народа к социокультурным переменам, одновременно приписывает русскому народу отсутствие обеих сторон соответствующей антиномии: отсутствие новаторства и отсутствие косности, традиционализма.

В «Апологии сумасшедшего» Чаадаев меняет свои оценки качеств национального характера, связанных с инокультурными заимствованиями, почти на противоположные. Такой ход радикальной перемены собственных взглядов, или внутреннего противоречия самому себе, характерен не только для Чаадаева, но и для многих русских мыслителей. Теперь Чаадаев приписывает русскому народу, напротив, парадоксальное единство национального консерватизма и способности к новаторству. С одной стороны, мыслитель отмечает отсутствие национальных традиций и инокультурные заимствования. «Самой глубокой чертой нашего исторического облика является отсутствие свободного почина в нашем социальном развитии. Присмотритесь хорошенько, и вы увидите, что каждый важный факт нашей истории пришел извне, каждая новая идея почти всегда заимствована» [19, с. 137]. Причем мыслитель отмечает эффективность этих заимствований: «Мы с изумительной быстротой достигли известного уровня цивилизации, которому справедливо удивляется Европа» [19, с. 146].

Чаадаеву в итоге не удалось преодолеть собственные противоречивые оценки качеств национального характера, связанных с инокультурными заимствованиями потому, что он не основывал их на признании самобытной социокультурной идентичности российской цивилизации.

Ф. М. Достоевский:

почвенничество и всемирная отзывчивость русского народа

Своеобразным антиподом П. Чаадаева, обвинившего русский народ в беспочвенности, является почвенник Ф. М. Достоевский, который усматривает в основе национального характера единство традиционализма и всемирной отзывчивости. «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите» [10, с. 536].

В основу единства национального консерватизма, как верности национальным самобытным устоям, и всемирной отзывчивости, как способности к восприятию и творческой переработке инокультурного опыта, обогащающей нашу собственную культурную самобытность, Достоевский кладет такую фундаментальную черту национальной идентичности, как православную христианскую религиозность. Однако эту религиозность он интерпретирует в духе некоего христианского всемирного общечеловеческого единения, которое является, по мысли писателя, нашей национальной идеей. «...У нас всех, есть твердая и определенная национальная идея; именно национальная. Следовательно, если национальная идея русская есть, в конце концов, лишь всемирное общечеловеческое единение, то, значит, вся наша выгода в том, чтобы всем, прекратив все раздоры до времени, стать поскорее русскими и национальными» [9, с. 372].

То, что русский народ привержен православию, не вызывает сомнений, но толкование этой приверженности в духе навязываемой народу общечеловеческой миссии, как русской национальной идеи — это ничем не обоснованный, произвольный постулат мыслителя.

Достоевский, определяя отношение русского народа к инокультурным инновациям, обратил внимание на внутренний раскол российского общества, порожденный реформами Петра I, на разъединение подавшагося внешнему формальному заимствованию западных культурных форм и начал высшего слоя и власти с народом, который остался приверженцем традиционных русских начал. «Реформа Петра Великого и без того нам слишком дорого стоила: она разъединила нас с народом» [8, с. 6].

Достоевский обоснованно замечает неэффективность поверхностных западных заимствований высших сословий, которые в итоге все равно не сделались европейцами, но обособились от народа. «Все последовавшие за Петром узнали Европу, примкнули к европейской жизни и не сделались европейцами» [8, с. 6].

Почвенничество Достоевского состоит в призыве к преодолению этого культурного раскола, к возвращению высших слоев российского общества к национальным началам. «Наша задача — создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал» [8, с. 7].

Конечно, Достоевский был далек от крайностей русского национализма, отвергающего и презирающего все чуждое, иноземное, отрицающего любые инокультурные инновации. Напротив, он подчеркивал русскую способность к всемирной отзывчивости, но не рассматривал эту отзывчивость как форму национального самоуничтожения и слепого копирования чужого опыта. Он призывал просвещенные высшие слои российского общества стать русскими. «Стать русскими во-первых, и прежде всего. Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу все изменится. Стать русским значит перестать презирать народ свой» [7, с. 375].

Антиномии русской души Н. Бердяева

Ярче всего противоречивость русского национального характера получила отражение во взглядах Н. Бердяева. «Подойти к разгадке тайны, скрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость» [5, с. 9].

Характеризуя отношение русского народа к другим культурам и народам, Бердяев формулирует антиномию тезиса сверхнационализма, универсализма, с одной стороны, и антитезиса крайнего национализма и национального высокомерия, с другой стороны. Утверждая тезис сверхнационализма, универсализма, Бердяев видит в нем одну из ярчайших национальных особенностей, а в качестве обоснования тезиса приводит типичную позицию русской интеллигенции: «Сверхнационализм, универсализм — такое же существенное свойство русского национального духа, как и безгосударственность, анархизм. Национален в России именно ее сверхнационализм, ее свобода от национализма» [5, с. 13].

С другой стороны, Бердяев приписывает необычайное русскому народу национальное самомнение, шовинизм и самовознесение, национальный эгоизм. «Россия — самая националистическая страна в мире, страна невиданных эксцессов национализма, угнетения подвластных национальностей русификацией, страна национального бахвальства, страна, в которой все национализировано вплоть до вселенской церкви Христовой» [5, с. 14]. Обоснованием антитезиса здесь у Бердяева является в основном русификаторская политика властей и самомнение Русской православной церкви. Очевидно, что на самом деле антиномии здесь нет. Русская интеллигенция и часть народа при-

вержены универсализму (интернационализму), а российские правящие круги и часть образованного общества — великодержавному национализму.

Анализируя отношение русского народа к реформам и переменам, Бердяев выдвигает тезис о катастрофичности и прерывистости отечественной истории, развивавшейся путем резких социокультурных трансформаций. «Историческая судьба русского народа была несчастной и страдальческой, и развивался он катастрофическим темпом, через прерывность и изменение типа цивилизации» [3, с. 7]. Таким образом, русскому народу присуща, если не склонность, то способность к социокультурным трансформациям и инновациям. Правда, эти трансформации существенно влияют на национальный характер и национальную историю. Одним из негативных последствий прерывности современной русской истории, по Бердяеву, стал культурный раскол между высшими слоями общества и народом. «Дело Петра создало пропасть между полицейским абсолютизмом и священным царством. Произошел разрыв между высшими руководящими слоями русского общества и народными массами, в которых сохранились старые религиозные верования и упования» [4, с. 45].

В отношении русского народа к собственным цивилизационным и историческим корням, традициям и устоям Н. Бердяев выдвигает антиномию «безграничной свободы духа» и «неслыханного сервилизма» и «жуткой покорности». Тезис утверждает, что «Россия страна безграничной свободы духа, страна странничества и искания Божьей правды. Россия — самая не буржуазная страна в мире» [5, с. 16]. Для обоснования тезиса Бердяев ссылается на русский тип странника. «Странник — самый свободный человек на земле... Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника» [5, с. 17].

Но не все ведь русские люди странники, и, если бы все были странники, кто бы тогда создавал материальную основу русского общества. Антитезис Бердяева утверждает не просто жуткую косность и неподвижность российского общества, но приверженность как высших слоев общества, так и части народа самым узким, материальным корыстным интересам и консерватизму, связанному с худшими чертами российской жизни. «Россия — страна неслыханного сервилизма и жуткой покорности, страна, лишенная сознания прав личности и не защищающая достоинства личности, страна инертного консерватизма, порабощения религиозной жизни государством, страна крепкого быта и тяжелой плоти» [5, с. 18].

В целом, опыт описания антиномичности русского национального характера Бердяевым показывает, что сформулированные им антиномии не вполне корректны как в логическом, так и в историческом смысле, так как тезисы и антитезисы он приписывает разным слоям или группам российского общества. Учитывая этот опыт, необходимо рассматривать черты национального характера, связанные с инокультурными заимствованиями, в исторической динамике и конкретно-историческом контексте.

Обсуждение результатов

Отношение к другим, иным культурам и народам в русском национальном характере связано с такими противоречивыми парами качеств, как отзывчивость (интернационализм) и национальный эгоизм, открытость (готовность и способность воспринимать чужое) и закрытость (упорное отстаивание национальной самобытности, неприятие чужого, инокультурного), национальное самоуничтожение (низкопоклонство перед инокультурным) и национальная гордость, доходящая до национального высокомерия. Что касается отношения к переменам, можно выделить противоречие новаторства и консер-

ватизма. По отношению к собственным корням, традициям и устоям мы имеем антиномию почвенности и беспочвенности, в которой получает выражение интегральное качество русского национального характера, объединяющее отношение к иным культурам и отношение к социокультурным трансформациям.

Почвенность предполагает наличие в национальном характере устойчивых архетипических структур — основ национальной социокультурной идентичности, общенациональных устоев и ценностей и их последовательное сохранение и отстаивание, приверженность исторической самобытной основе и традициям. Беспочвенность — отсутствие устойчивых архетипических структур национального характера или отказ от их последовательного сохранения и отстаивания, нигилистическое отношение к самобытной национальной истории и традициям.

Противоречивость соответствующих качеств национального характера в оценках отечественных мыслителей не позволяет однозначно определить, способствуют ли качества национального характера инокультурным заимствованиям, или же затрудняют их.

Однако если подходить к этим альтернативам с позиций российской истории, то противоречивость национального характера, фиксируемая многими отечественными мыслителями, на самом деле является эффективным исторически конкретным и динамичным синтезом внешне антиномичных пар соответствующих качеств. Этот синтез позволяет эффективно усваивать инокультурные заимствования, но адаптируя их к национальной социокультурной самобытности и тем самым обогащая и развивая ее.

Периодические циклы инокультурных инноваций, причем не только западных, но и восточных, в России актуализируют в русском национальном характере соответствующие антиномичные пары черт, определяя сложное взаимодействие: всемирной отзывчивости и национального русского традиционализма, универсализма и национализма, новаторства и консерватизма, почвенности и беспочвенности. Инокультурные заимствования в целом поверхностно влияют на русский национальный характер, трансформируя некоторые его внешние проявления, но не сущность. Архетипические структуры национального характера и национальной культурной идентичности, корнящиеся не только в народных массах, но и в верхних слоях российского общества, остаются относительно устойчивыми, поскольку обусловлены историческими инвариантами российской цивилизационной идентичности.

В то же время социальные и культурные трансформации российского общества, в том числе инспирированные инокультурными заимствованиями, порождают новые типы характеров или новые черты в старых типах характера, но в них сохраняются пласты старых типов, а общая палитра национальных типов растет и усложняется. Старые национальные типы не исчезают, а трансформируются, приспособляясь к новой реальности.

Каждый исторический период социокультурных трансформаций порождает трансформации старых типов национального характера, а также новые национальные типы и очередные пласты в архетипической структуре русского национального характера.

Наиболее четко эту идею проводит Г. П. Федотов, предложивший полярно-структурный метод постижения русского национального характера. Признавая трудность сведения разнообразных национальных типов личности к единому образу, Федотов видит выход «в отказе от ложного монизма и в изображении коллективной души

как единства противоположностей. Чтобы не утонуть в многообразии, можно свести его к полярности двух несводимых далее типов... При более пристальном рассмотрении каждый из центров национальной души представляется сам сложным многоединством» [17, с. 172].

Сам Г. П. Федотов выделял несколько исторических национальных типов, образующих своеобразные геологические пласты национального характера: московский человек, имперский человек и новый тип, рожденный революцией.

В контексте такого подхода к исторической динамике национального характера может быть предложена модель динамического волнообразного колебания пластичности и косности (устойчивости) национального характера, согласно которой каждая из этих противоположных сторон периодически доминирует. Под влиянием радикальных социокультурных трансформаций общества, инспирированных инокультурными заимствованиями, наступает стадия доминирования лабильности, пластичности национального характера. Однако затем приходит время обратного движения в сторону возрождения, восстановления и укрепления традиционных, дореформенных черт характера. На третьем этапе формируется своеобразный синтез или симбиоз новых и старых, традиционных черт национального характера и национальных типов. Данная модель является гипотетической и дискуссионной. Однако она объясняет механизм динамики национального характера в контексте отечественной истории. Этот механизм обеспечивает интеграцию российской культуры в мировую культуру, но без утраты национальной идентичности и самобытности.

Выводы

При решении проблемы баланса стабильности и изменчивости национального характера необходим учет социальной стратификации российского общества. Русский национальный характер необходимо дифференцировать в соответствии с этой стратификацией и рассматривать не как единый культурно-психологический тип личности, а как некую палитру самобытных национальных типов. Отсюда следуют различия баланса динамичности и устойчивости национального характера. Народные массы более закрыты для перемен, консервативны и устойчивы, а социальные верхи более открыты и пластичны. Русский народ податлив на заимствования, но не податлив на трансформации глубинных пластов своего характера.

В национальном характере можно выделить три группы качеств, связанных с инокультурными заимствованиями, которые в отечественном дискурсе оцениваются противоречиво, как единство универсализма и национализма, новаторства и консерватизма, почвенности и беспочвенности. Сторонники национальной самобытности акцентируют в этих антиномиях традиционалистский тезис, а сторонники европейской интеграции России — реформаторский антитезис.

Решение проблемы связи между национальным характером и инокультурными инновациями дает не столько дискуссия условных славянофилов и западников, сколько реальная российская история, отражением которой является борьба альтернативных подходов в отечественном философском самосознании.

Взаимодействие инокультурных инноваций и русского национального характера определяется общей логикой модернизационного процесса и является способом культурно-исторического развития российского общества и национального характера, обеспечивающим специфическую историческую преемственность и устойчивость отечественных архетипических структур: державности, духовности и соборности. Нацио-

нальный характер, как и самобытная российская цивилизация в целом, воспринимает и эффективно усваивает только те инокультурные инновации, которые не противоречат его архетипическим основам и рано или поздно, резко или мягко, но отторгает те, которые им противоречат.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Аксюиц В.* О русском национальном характере // Православие.Ru. URL: <https://pravoslavie.ru/87.html> (дата обращения: 04.03.2021).
- 2 *Амельченко С. Н.* Деконструкция ментального кода российской культуры в контексте глобализации // *Философия и культура*. 2013. № 2 (62). С. 171–181.
- 3 *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
- 4 *Бердяев Н. А.* Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 318 с.
- 5 *Бердяев Н. А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Мысль, 1990. 208 с.
- 6 *Горшков М. К.* Проблемы национальной безопасности в информационном обществе // *Власть*. 2014. № 11. С. 8–12.
- 7 *Достоевский Ф. М.* Мы в Европе лишь Стрюцкие // *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя: Избранные страницы. М.: Современник, 1989. С. 372–376.
- 8 *Достоевский Ф. М.* Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год // *Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1993. Т. 11. С. 5–11.
- 9 *Достоевский Ф. М.* Примирительная мечта вне науки // *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя: Избранные страницы. М.: Современник, 1989. С. 368–372.
- 10 *Достоевский Ф. М.* Пушкин (очерк) // *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя: Избранные страницы. М.: Современник, 1989. С. 523–537.
- 11 *Кондаков И. В.* Ментальная доминанта российской цивилизации // *Философские науки*. 2000. № 3. С. 23–32.
- 12 *Лосский Н. О.* Характер русского народа. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1957. 152 с.
- 13 *Магарил С. А.* К вопросу о русском национальном характере // *Современная научная мысль*. 2014. № 2. С. 34–48.
- 14 *Моисеева Н. А.* Национальный характер как основа объективации жизненных ценностей русской национально-духовной культуры // *Вопросы культурологии*. 2011. № 5. С. 18–23.
- 15 Национальная идея России: «Моя страна должна быть, и должна быть всегда!», или О том, что должны делать власть и общество, чтобы это было так. В 6 т. // В. И. Якунин и др.; под общ. ред. С. С. Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2012. Т. 3. С. 1499–2198.
- 16 *Солженицын А. И.* Россия в обвале. М.: Русский путь, 2006. 208 с.
- 17 *Федотов Г. П.* Письма о русской культуре // *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России: в 2 т. СПб.: София, 1991. Т. 2. 352 с.
- 18 *Храмов И. В.* Национальный характер и его ментальные основания: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2004. 22 с.
- 19 *Чаадаев П. Я.* Апология сумасшедшего // *Чаадаев П. Я.* Статьи и письма. М.: Современник, 1987. С. 134–146.
- 20 *Чаадаев П. Я.* Философические письма: письмо первое // *Чаадаев П. Я.* Статьи и письма. М.: Современник, 1987. С. 33–49.
- 21 *Шаповалов В. Ф.* Россиеведение: учебн. пособ. для вузов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 576 с.

***

© 2022. **Andrey F. Polomoshnov**
Persianovsky, Rostov region, Russia

© 2022. **Lev A. Polomoshnov**
Persianovsky, Rostov region, Russia

**NATIONAL CHARACTER
AND FOREIGN CULTURAL
BORROWINGS IN THE LIGHT OF DOMESTIC THOUGHT**

Abstract: Liberal Russian reforms at the turn of the millennium actualize the issue of foreign cultural borrowing in the national discourse. The study, using examples of P. Ya. Chaadaev, F. M. Dostoevsky and N. A. Berdyaev analyzes the relationship between foreign cultural borrowings and traits of national character, which determine the attitude towards other cultures and towards qualitative transformations of society. All these concepts reflect the inconsistency of the respective features of the national character. The position of P. Ya. Chaadaev is contradictory. Whereas in *Philosophical Letters* he simultaneously ascribes to the Russian people a lack of innovation and a lack of soil, in *Apology of the Madman*, on the contrary, he sees in the Russian people a paradoxical unity of national conservatism and the ability to innovate. F. M. Dostoevsky perceives the basis of our national character a synthesis of national soil and universal responsiveness. N. A. Berdyaev formulates two antinomies of the Russian soul: 1) the antinomy of universalism and nationalism and 2) the antinomy of “boundless freedom of spirit” and “unheard-of servility”, without finding a convincing solution to these antinomies. The authors come to the conclusion that as a result of the interaction of foreign cultural innovations and the traits of the Russian national character associated with their perception, certain modes of antinomies identified by Russian thinkers are actualized in it. As a result, the national character informs a certain balance, providing a specific historical continuity and stability of its archetypal structures.

Keywords: national character, Dostoevsky, Chaadaev, Berdyaev, national identity, foreign cultural borrowings.

Information about the authors:

Andrey F. Polomoshnov — DSc in Philosophy, Professor, Department of Economics, Philosophy and Social Disciplines, Don State Agrarian University, Krivoslykova St., 24, 346493 the village of Persianovsky, Oktyabrsky Dist., Rostov region, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6312-9440>

E-mail: paf1@mail.ru

Lev A. Polomoshnov — Post-graduate Student, Department of History of Foreign and National Philosophy, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences of the Southern Federal University, Dneprovskiy per., 116, 344065 Rostov-on-Don, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2107-9574>

E-mail: lgvel@mail.ru

Received: March 05, 2021

Approved after reviewing: July 06, 2021

Date of publication: December 28, 2022

For citation: Polomoshnov A. F., Polomoshnov L. A. National Character and Foreign Cultural Borrowings in the Light of Domestic Thought. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 67–80. (In Russian)
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-66-67-80>

REFERENCES

- 1 Aksiuchits V. O russkom natsional'nom kharaktere [On Russian National Character]. In: *Pravoslavie.Ru*. Available at: <https://pravoslavie.ru/87.html> (Accessed 04 March 2021). (In Russian)
- 2 Amel'chenko S. N. Dekonstruksiia mental'nogo koda rossiiskoi kul'tury v kontekste globalizatsii [Deconstruction of the Mental Code of Russian Culture in the Context of Globalization]. *Filosofia i kul'tura*, 2013, no 2 (62), pp. 171–181. (In Russian)
- 3 Berdiaev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 224 p. (In Russian)
- 4 Berdiaev N. A. *Russkaia ideia* [Russian Idea]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2008. 318 p. (In Russian)
- 5 Berdiaev N. A. *Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii voyny i natsional'nosti* [The Fate of Russia. Experiments on the Psychology of War and Nationality]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 208 p. (In Russian)
- 6 Gorshkov M. K. Problemy natsional'noi bezopasnosti v informatsionnom obshchestve [National Security Problems in the Information Society]. *Vlast'*, 2014, no 11, pp. 8–12. (In Russian)
- 7 Dostoevskii F. M. My v Evrope lish' Striutskie [We are merely Stryutskys in Europe]. In: Dostoevskii F. M. *Dnevnik pisatel'ia: Izbrannye stranitsy* [Writer's Diary: Selected Pages]. Moscow, Sovremennik Publ., 1989, pp. 372–376. (In Russian)
- 8 Dostoevskii F. M. Ob"iavlenie o podpiske na zhurnal "Vremia" na 1861 god [Announcement of Subscription to "Vremya" Magazine for 1861]. In: Dostoevskii F. M. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 Vols.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993, vol. 11, pp. 5–11. (In Russian)
- 9 Dostoevskii F. M. Primiritel'naia mechta vne nauki [A Conciliatory Dream outside of the Science]. In: Dostoevskii F. M. *Dnevnik pisatel'ia: Izbrannye stranitsy* [Writer's Diary: Selected Pages]. Moscow, Sovremennik Publ., 1989, pp. 368–372. (In Russian)
- 10 Dostoevskii F. M. Pushkin (ocherk) [Pushkin (essay)]. In: Dostoevskii F. M. *Dnevnik pisatel'ia: Izbrannye stranitsy* [Writer's Diary: Selected Pages]. Moscow, Sovremennik Publ., 1989, pp. 523–537. (In Russian)
- 11 Kondakov I. V. Mental'naia dominanta rossiiskoi tsivilizatsii [Mental Dominant of Russian Civilization]. *Filosofskie nauki*, 2000, no 3, pp. 23–32. (In Russian)
- 12 Losskii N. O. *Kharakter russkogo naroda* [The Character of the Russian People]. Frankfurt-na-Maine, Posev Publ., 1957. 152 p. (In Russian)
- 13 Magaril S. A. K voprosu o russkom natsional'nom kharaktere [On the Russian National Character]. *Sovremennaia nauchnaia mysl'*, 2014, no 2, pp. 34–48. (In Russian)
- 14 Moiseeva N. A. Natsional'nyi kharakter kak osnova ob"ektivatsii zhiznennykh tsennostei russkoi natsional'no-dukhovnoi kul'tury [National Character as the Basis for Objectification of Life Values of Russian National-spiritual Culture]. *Voprosy kul'turologii*, 2011, no 5, pp. 18–23. (In Russian)
- 15 *Natsional'naia ideia Rossii: "Moia strana dolzhna byt', i dolzhna byt' vseгда!", ili O tom, chto dolzhny delat' vlast' i obshchestvo, chtoby eto bylo tak: v 6 t.* [The National

- Idea of Russia: “My Country should be, and should Always be!”, Or On what the Authorities and Society should do to make it so: in 6 Vols.]. V. I. Iakunin and other; ed. by S. S. Sulakshina. Moscow, Nauchnyi ekspert Publ., 2012, vol. 3, pp. 1499–2198. (In Russian)
- 16 Solzhenitsyn A. I. *Rossiia v obvale* [Russia in a Landslide]. Moscow, Russkii put' Publ., 2006. 208 p. (In Russian)
- 17 Fedotov G. P. *Pis'ma o russkoi kul'ture* [Letters about Russian Culture]. Fedotov G. P. *Sud'ba i grekhi Rossii: v 2 t.* [The Fate and Sins of Russia: in 2 Vols.]. St. Petersburg, Sofiia Publ., 1991. Vol. 2. 352 p. (In Russian)
- 18 Khramov I. V. *Natsional'nyi kharakter i ego mental'nye osnovaniia* [National character and its mental foundations: PhD Thesis, Summary]. Stavropol', 2004. 22 p. (In Russian)
- 19 Chaadaev P. Ia. *Apologiia sumasshedshego* [Apology for a Madman]. In: Chaadaev P. Ia. *Stat'i i pis'ma* [Articles and Letters]. Moscow, Sovremennik Publ., 1987, pp. 134–146. (In Russian)
- 20 Chaadaev P. Ia. *Filosoficheskie pis'ma: pis'mo pervoe* [Philosophical Letters: Letter One]. In: Chaadaev P. Ia. *Stat'i i pis'ma* [Articles and Letters]. Moscow, Sovremennik Publ., 1987, pp. 33–49. (In Russian)
- 21 Shapovalov V. F. *Rossievedenie: uchebnoe posobie dlia vuzov* [Russian Studies: a Textbook for Universities]. Moscow, FAIR-PRESS Publ., 2001. 576 p. (In Russian)